

феминины: а) доминантой физической силы является Брюнхильда; б) образцом силы духа выступает Кримхильда.

Библиография

1. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М., 1999.
2. Суперанская А.В. Эволюция взглядов на имена собственные в науке о языке. – М., 1970.
3. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М., 1996.
4. Шарикова Л.А. Проблемы германской мифологии: Гендер и этнос/ Учебное пособие. – Кемерово, 2001 (в печати).
5. Bergmann R., Obst U., Trefenbach H., Untermann J. Beiträge zur Namenforschung. - Bd.34, H.4. – Heidelberg, 1999.
6. Bach A. Deutsche Namenkunde//Die deutschen Personennamen. - Bd I. – Heidelberg, 1952.

ПРИЧИНЫ УСТОЙЧИВОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ АПОФОНИИ

Н.В.Малахова
Белгород, БелГУ

По данным современных синхронно-типологических исследований одной из основных причин изменений, происходящих в германских языках, является действие тенденции развития этих языков от синтетизма к аналитизму.

Известно, что аналитичность строя какого-либо языка заключается в том, что отношения между словами в речевой цепи выражаются не средствами самих слов (формами слов), а иными способами (размещением слов в речевой цепи, служебными словами). Будучи в большей степени явлением синтаксическим (т.е. выражающим способ отношений между словами в речевой цепи), “аналитичность языка ... находит своё проявление как в морфологии, так и в других подсистемах языка” (Бурлакова, 1975: 124).

На фоне общего движения германских языков к аналитизму, “на фоне сильного - а в некоторых из них почти полного - разрушения прежней индоевропейской морфологии сохранение внутренней флексии представляет несомненный общелингвистический интерес” (Андреев, 1955: 5).

Конечно, внутренняя флексия уже не является продуктивным средством глагольного формообразования германских языков и количество глаголов с апофонией во всех германских языках уменьшилось, но значительная часть системы сильных глаголов в германских языках всё же сохраняется.

Причинам сохранения внутренней флексии - явления абсолютно не аналитического, а, следовательно, “изжившего” себя - мы посвящаем нашу статью.

Существует несколько гипотез, объясняющих причины устойчивости апофонии в германских языках: концепция употребительности Ж.Вандриеса и В. Вундта, концепция речевого удобства Х.Брэдли, концепция стройности системы и её соответствия общему плану языка А.Мейе и др. Познакомимся с некоторыми из них.

В своей книге "Язык" Ж.Вэндриес утверждает, что "наиболее употребительные глаголы во всех языках принадлежат к сильным, т.е. неправильным" (Вандриес, 1937: 155). Посмотрим, так ли это. Будем надеяться, что говоря обо всех языках, Ж. Вандриес все же имел в виду не все языки, а лишь одну из языковых семей - индоевропейскую. Одним из наиболее употребительных понятий человеческой жизнедеятельности является понятие "есть, кушать". Действительно, русское "есть", англ. eat., нем. essen - неправильные глаголы, но франц. manger - вполне правильный. Другой пример: "держат" - вполне употребительное понятие: при неправильном франц. tenir, англ. hold, нем. halten русский глагол "держат" является правильным. Таким образом, однозначной причинной связи между употребительностью и неправильностью глаголов, предположенной Ж.Вандриесом, не существует.

По мнению В. Вундта "именно употребление всегда даёт старым формам силу сопротивления, которая позволяет им не подчиняться выравнивающему воздействию ассоциации" (Wundt, 1900: 13). Он считал частоту употребления фактором, сдерживающим действия аналитических процессов и консервирующим старые типы. Проверим справедливость данного утверждения на примерах.

Древнеанглийские сильные глаголы *slæpan* и *wascan* соответствуют современным *to sleep* и *to wash*, древнеанглийские *slingan* и *slican* - современные *to sling* и *to slink*. Первые два вышли из системы сильных глаголов, вторые два остались в ней. Какие слова более употребительны: "спать" и "мыть(ся)" или "метать из пращи" и "красться"? Очевидно, что первая пара, употребляемая почти ежедневно. Но, тем не менее, аблаут сохранила вторая пара, сравнительно редко употребляемая (примеры по: Андреев, 1955: 7-8). Другой пример: очень употребляемый современный слабый глагол *lachen* в древневерхненемецкий период был сильным, а менее употребительный сильный *leihen-lieh-geliehen* ("одалживать, ссужать") не потерял своего аблаута и до наших дней.

Примеры показывают, что картина не так проста, какой она кажется на первый взгляд. Вообще отрицать связь между употребительностью и сохранением внутренней флексии нельзя, но и одна эта связь не объясняет всю сложность явления.

Концепция речевого удобства Х-Брэдли также не дает полного ответа на интересующий нас вопрос. Его утверждение, что "сильное прошедшее *gave, shook, came, rode* и им подобные легче выговорить, чем *gived, shaken, comed, rided*" (Bradley, 1931: 51), звучит вполне логично, но не является истинным. Бесспорно, приведенные примеры с простыми и "удобными" сильными и воображаемыми слабыми формами наглядно показывают

преимущество старых сильных форм, но не объясняют возникновение и закрепление в языке таких слабых “неудобных” претеритов как *believed, shaped, climbed, glided* и т.п.

Касааясь данного вопроса, А.Мейе так формулирует свою точку зрения: “Система сильных глаголов так прочно сложилась, была такой равномерной и ясной и так соответствовала общему строю языка, что она удержалась во всех германских языках” (Мейе, 1953: 107). Однако, как справедливо замечает Н.Д. Андреев, эту точку зрения невозможно примирить с тем обстоятельством, что “в истории английского языка на период X-XI вв. приходится больше потерь в системе сильных глаголов, чем на восемь следующих столетий. В самом деле, что было прочным, равномерным и ясным в IX веке, не было уже ни прочным, ни равномерным, ни ясным к пятнадцатому; тем не менее за двести лет после эпохи сравнительной ясности (IX в.) система сильных глаголов понесла вчетверо больший урон, чем за четыреста лет периода полной “неясности” (XIV-XX вв.)” (Андреев, 1955: 9).

Подытоживая знакомство с вышеназванными концепциями, нужно признать, что при всей важности выдвинутых гипотез ни одна из них не является достаточной для ответа на интересующий нас вопрос. Видимо, однозначного ответа нет вообще и на устойчивость внутренней флексии германских глаголов влияет не один какой-либо фактор, а целый их комплекс. Очень хорошо, на наш взгляд, определил этот комплекс факторов Н.Д. Андреев.

Первым фактором, действующим в сторону укрепления внутренней флексии, является постоянное пополнение группы сильных глаголов так называемыми “квазисильными” глаголами, использующими в своем формообразовании как внутреннюю флексию, так и дентальный суффикс (термин Н.Д. Андреева), например:

англ. *buy-bought-bought, lose- lost-lost;*

нем. *brennen- brannte- gebrannt, senden- sandte- gesandt;*

голл. *zocken- zochte- gezocht, denken- dachte- gedacht;*

дат. *tella - talte- talt;*

шв. *bringa- bragte- bragt.*

Н.Д. Андреев замечает, что “ко времени Чосера в английском языке оставалась лишь половина того количества сильных глаголов, какое имелось в древнеанглийском, остальные вышли из употребления. Из сохранившихся ста пятидесяти в современном языке аблаут продолжает существовать приблизительно в двух третьих, - и лишь треть перешла в слабое спряжение. Если к сорока пяти “квазисильным” глаголам современного языка добавить те, которые перешли из слабого спряжения в сильное, то получится, что общее число глаголов с внутренней флексией практически не изменилось за последние 500 лет” (Андреев, 1955: 165).

В современном английском языке практически стёрта грань между сильными и квазисильными глаголами и поэтому в большинстве современных

грамматик принято деление глаголов на регулярные/правильные (использующие в формообразовании суффикс ~ (e)d) и нерегулярные/неправильные (имеющие внутреннюю флексию ± суффикс или не имеющие ни внутренней флексии, ни суффикса, например: set- set).

В отличие от английского, в немецком языке сохранилось деление глаголов на слабые, сильные, претеритопрезентные глаголы и слабые глаголы особой группы.

В немецком языке “квзисильные” глаголы (неправильные глаголы и слабые глаголы особой группы) имеют незначительный удельный вес по сравнению с английским языком, однако сама система сильных глаголов в условиях меньших лексических сдвигов по сравнению с английским лучше сохранилась. Поэтому общее число сильных и “квзисильных” глаголов в обоих языках оказалось вполне сопоставимо: в немецком языке это 170:10, в английском 100:50.

Вторым фактором, способствующим укреплению системы апофонии, являются рифмические ряды. “Перестав быть фактором, определяющим конкретный характер системы глагольного аблаута, звуковой облик основы тем не менее остаётся одним из существенных факторов, влияющих на устойчивость сохранившихся элементов этой системы”, - утверждает Н. Д. Андреев (Андреев, 1955: 166).

“Сила рифмического ряда была достаточной не только для того, чтобы удерживать в своём кругу всех своих членов, но и для того, чтобы втягивать в этот круг новые глаголы” (Андреев, 1955: 165).

Так, генетически слабые глаголы *fling, ring, string* перешли в различные века в рифморяд сильных глаголов: *cling, sting, swing, spring, sing, drink, sink*. И именно фактор рядности сыграл решающую роль в сохранении рифмического ряда квзисильных глаголов *brennen, gennen, nennen* и т.д.

Третий фактор - закрепление внутренней флексии путём словообразования именных форм, например: англ. *song* и *to sing*, *birth* и *to bear*, *sight* и *to see*, *choice* и *to choose*.

В немецком языке значение именных форм, сохраняющих аблаутную огласовку, намного больше, чем в английском. Почти у половины сильных основ имеются именные формы, образованные от основ претерита или причастия второго; например:
нем. *Schnitt - schneiden, Floß, Fluß - fließen, Band- binden, Ausnahme, ausnahmslos- ausnehmen, Gang, Vergangenheit- gehen, vergehen*.

Последним фактором, действующим в сторону не только укрепления, но и расширения системы внутренней флексии, является рост глагольного словообразования:

- в английском - с помощью постфиксов, например:

drive- + away, in, into, out, through, up и т.д.

- в немецком - с помощью отдельных приставок:

geben - ab-, an-, anheim-, auf-, aus-, be-, bei-, bloß -, dahin-, и т.д.- всего 32 (Admoni, 1972: 167).

Создание производных вместе с ростом полисемии “приводит к фактическому расширению системы внутренней флексии, тем более существенному, что глаголы, входящие в данную систему, в среднем впятеро активнее участвуют в этом процессе, чем так называемые “правильные” глаголы” (Андреев, 1955: 170), а значит их удельный вес не только не уменьшается, а, наоборот, растёт.

Такова совокупность факторов, комплексно действующих в сторону укрепления германской глагольной апофонии.

По образному выражению Н.Д. Андреева, “корни этого растения настолько глубоко проникли в недра языка и настолько переплелись с другими корнями, что тысячелетняя тенденция к аналитизму оказалась не в состоянии выкорчевать их” (Андреев, 1955: 170).

Таким образом, поиск причин сохранения и относительного “процветания” германской глагольной апофонии еще не завершён и мы в своих дальнейших исследованиях попытаемся внести большую ясность относительно этого интересного феномена.

Библиография

1. Андреев Н.Д. Внутренняя флексия в глагольной системе германских языков: Дисс.... канд. филол. наук. - Москва, 1955.
2. Бурлакова Л.Д. Типологическая характеристика глаголов передвижения, использующих в формообразовании внутреннюю флексию: Дисс.... канд. филол. наук. - Москва, 1975.
3. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. - М., 1937.
4. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. - М., 1952.
5. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. - L., 1972.
6. Bradley H. The making of English. - London, 1931.
7. Wundt W. Völkerpsychologie. - Leipzig, 1900.

ПРОБЛЕМА ВАРИАНТОВ КОММУНИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале английского языка)

О.В. Матюхова

Н. рук.: д.ф.н., проф. *Т.Н. Федуленкова*
Северодвинск, ПГУ

В качестве объекта данного исследования были избраны около тысячи пословиц современного английского языка, отобранных методом сплошной выборки из толковых одноязычных и переводных словарей, которые представляют собой, в соответствии с классификацией проф. А.В. Кунина, коммуникативные фразеологические единицы [Кунин, 1970: 337-340]. При отборе единиц исследования принимаем во внимание лишь те КФЕ, которые